

В октябре две тысячи шестнадцатого русского самолеты вовсю бомбили Халеб, там был настоящий ад: сирийские, иранские, палестинские, русские спецназовцы атаковали кварталы с боевиками ИГИЛ, которыми управляли саудовские и западные инструкторы. Боевики прятались в обширных подземельях Алеппо, наверху во множестве гибли мирные жители, которых исламисты не выпускали из города. Большие российские корабли «Петр Великий» и «Адмирал Кузнецов» готовились к сирийскому походу, люди всерьез боялись начала третьей мировой войны. Мне же думалось совсем о другом – утром седьмого умерла Рита Александровна Толстая. Хотелось побыть одному, но нашел ничего лучше, как поехать в музейную усадьбу.

Недавно закончилось бабье лето, остатки его еще висели в остывающем воздухе, который осенью в Ясной Поляне пропитан запахом гниющих яблок, опавших листьев и духов экскурсанток. Сбросив листья, старые части парка Чепыж и Клины сделались прозрачными. Под убывающим солнцем над еще зеленой травой летали бабочки «павлиний глаз». В музейном лесу вокруг старых пней в поисках опять бродили грибники, они ворошили палками опавшие листья даже возле могилы писателя. Впереди меня по влажной дорожке от могиального холмика к дому Толстого шел понуры́й мужчина. Он держал за руку мальчика лет четырех, одетого в стеганую курточку и вязаную шапку, на которой топорщились большие, размером с заячьи, шерстяные уши. Мужчина говорил о Толстом:

– Когда Лев Николаевич был маленьким, как ты сейчас, он с ребятами играл здесь в лесу, искал зеленую палочку...

– Что-то я не видел там никакой палочки! – тоненьким голоском звонко воскликнула заячьи уши.

– Вот и Лев Николаевич ее не нашел, – глухо сказал мужчина.

Это неправда, подумалось мне. Всю жизнь Лев Николаевич не просто искал секрет всеобщего счастья, он отчасти нашел его. Во-первых, сама его жизнь стала зеленой палочкой для тысяч людей. Во-вторых, он понял главное правило, которое могло быть написано там: чтобы люди жили более счастливо, нужно прежде себя подумать о других, работать для них, помогать им, при этом будет лучше не только им, но и тебе.

Этим рецептом умело и талантливо пользовалась Рита Александровна. Отчасти поэтому, наверное, все думаю о ней, не выходит она из моего сердца. Дни прощания всегда тяжелы, но Рита Александровна ушла без боли, криков и смертного ужаса. Господь подарил ей два года жизни в состоянии, в котором люди обычно не живут, прибавив отсутствие боли. Так бывает редко, знаю это как врач, но с ней случилось. Она чудесным образом увяла и умерла без боли, как умирает цветок поздней осенью, когда начинаются морозы.

Весна и лето две тысячи шестнадцатого были последним ее временем на земле. С начала года она уже не ходила, с трудом говорила, но почти до самого конца мыслила ясно. От Сельмы Ансьера из Барселоны, от Ирины Ванн и Тимура Зульфикарова из Таджикистана приходили СМС на латинице: «Serezha! Kak Rita Alexandrovna? Mi skutaem i lubim!» «Ей все хуже», – отвечал я. Сделать ничего было нельзя, но Рита Александровна и в этом своем

новом состоянии разрешала навешать ее. Я приходил ненадолго, стараясь не трогать ее убывающие силы, каждый раз думая, что вижу ее в последний раз.

За эти месяцы прощания заметно подросли знакомые дети, многие в нашем городе умерли нелепой преждевременной смертью (от лося на дороге, алкоголя, наркотиков, гриппа), природа несколько раз успела сделать свои поразительные кульбиты. В начале последнего для Риты Александровны апреля земля была еще покрыта снегом, а спустя две недели с неба лило бурное тепло, зеленела трава, сквозь шторы номера 311 пробивалось горячее солнце, которое уже тяготило Риту Александровну, она просила плотнее задернуть шторы.

Шатаясь от слабости, она присаживалась на диване в своей гостиной, смотрела на письменный стол, уставленный горшками с цветущими фиалками, фотографиями детей, внуков. Смотреть на нее было больно, я все же старался улыбаться, говорить о приятном. Рита Александровна требовала, чтобы я не сидел просто так, налил себе чаю. Я подчинился, шел на кухню, где в зеркальном шкафчике стояла коллекция хрусталя и собрание фарфоровых, каменных, серебряных лягушек, налил себе кипяток из электрического чайника, усаживался на стул в гостиной рядом с диваном, держа чашку в руках. Рита Александровна откидывалась на подушки, говорила медленно, порой невнятно. Чаще всего – про сыновей, или о своих воспитанниках, для которых стала второй мамой:

– Влад сегодня четыре часа был. Я его прямо вытолкала. У Вероники свои дела. Откройте этот шоколад, я стала безрукая. Ужасная слабость... Еле встаю с постели... Мне так жалко, что я перестала вас кормить. Но мне очень плохо...

– Я все понимаю, Рита Александровна, не волнуйтесь, – говорил я. – Поражаюсь вашей стойкости!

– Как хорошо, что рядом есть дети и преданные друзья. Правда, Алешу я совсем не вижу.

– Алеша занят, – успокаивал я ее, – он тоже вас очень любит. Дети ваши молодцы – удивительная преданность! А Владу наконец-то повезло с Вероникой. И работа в Ясной как раз по нему.

– Они с Вероникой теперь будут счастливы... А вот Алеша работает по двенадцать часов в день, причем на работе, которая ему совсем не нравится. Но он и там первый! И знаете почему? Потому что хорошо говорит по-русски... Но все же зачем так губить свою жизнь?

– Многие так работают в молодости, Рита Александровна... В молодости кажется, что жизнь бесконечна и всё успеешь. После будет жалеть. Никто в старости не говорит: «Как жаль, я так мало работал!» Я вот сейчас сильно жалею, что в молодости мало писал, мало ездил. Суетился, зарабатывал какие-то жалкие деньги, упустил в жизни многое...

– Налейте мне вот это, – просила Рита Александровна, указывая на большую пластмассовую банку. – Это вместо капельницы.

– Видел вчера по телевизору Владимира Ильича, – говорил я, закрывая банку со спортивным питанием. – Он выглядит утомленным, в Москве его заездили!

– Да, он отдыхает только здесь, в Ясной Поляне, – кивала Рита Александровна. – Когда он приходит, мне иногда больно на него смотреть – морщины, усталость. Но его из Москвы пока не отпускают. Если б отпустили – было бы счастье! Это не его – бумажки всякие, неприятные поручения... Владимир Владимирович говорит: «Я понимаю, что подкидываю вам не самое лучшее, но займитесь этим». Это про Переделкино, мафии, которые заняли писательские места и другое, подобного типа.

– Владимир Владимирович в курсе этой писательской возни? – Рита Александровна иногда меня поражала.

– Конечно... Как думаете – мне дальше лечиться? В больницу идти? Они зовут, но я ненавижу больницы. Хотя хирург – замечательный человек. Говорит – мы картинки вам повесим, пылинки будем сдувать, цветы будем носить. Такой чудило. Вы знаете, о ком я говорю?

– Это Гречин, хороший, добрый человек.

– Да, он добрый. Когда делал пункцию, все спрашивал: «Вам не больно?» Так трогательно! Но меня сейчас лечит Оля...

– Катя с Ольгой сделают для вас все. И Людмила Ивановна, Ольга Владимировна – тоже. Не обязательно ложиться в больницу. И вообще, как лечиться сейчас – не главное. Не мучьте себя слишком этим лечением. Главное – не падать духом, стараться удержать сознание, просто жить!

– Я и так уж цепляюсь. Хотя, наверно, это в стариках некрасиво... Как вам сказать... Умереть я не боюсь. У меня только странное ощущение, как это я буду в деревянном ящике в земле...

– Не надо об этом думать, – у меня начинало болеть сердце. – Душа человеческая бессмертна! Это даже ученые подтверждают!

– И я там увижу, кого захочу? За жизнь человеческую видишь столько людей... Неужели я всех их увижу снова? Зачем?.. Закройте получше шторы...

Иногда, когда я приходил, Рита Александровна спала. Я оставлял для неё конфеты и фрукты, почему-то боялся дарить цветы, это казалось мне в той ситуации чем-то двусмысленным. Передавая сиделке сладости для Риты Александровны, я выходил на улицу, садился на лавочку. В Ясной Поляне повсюду кипело строительство, у гостиницы была разрыта земля, работала техника, но над скамьей, перекрикивая бульдозеры и подъемные краны, орали сумасшедшие весенние птицы, бабочки-капустницы танцевали в солнечных пятнах посреди тенистой аллеи. Я смотрел на бабочек, вспоминая время, когда Рита Александровна еще могла радоваться жизни.

К 2007-му я уже очень привязался к Рите Александровне, и она волновалась, если мы долго не виделись. Тогда она звонила и спрашивала: «Куда вы пропали?» Обычно я появлялся у нее вечером, после работы. Иногда с женой, но чаще один – жену утомляли эти поездки. Для меня же радость от встречи с Ритой Александровной перевешивала усталость, я хорошо понимал, какое это счастье – возможность видеть Риту Александровну, слышать ее. Знал, что в один момент все может исчезнуть. Моя душа, как сейчас понимаю, неосознанно требовала обрезки, как запущенный яблоневый сад, чтобы начать плодоносить. А Рита Александровна любила возиться с приятными ей людьми, формируя им «крону» правильного отношения к жизни. Причем делала это с огромной любовью, поразительной в отношении не родных ей людей.

Собираясь в Ясную Поляну, покупал я к столу хороший кофе, яблочную пастиду, конфеты в коробках, изюмный кекс. Моя жена иногда делала к такому случаю домашние пироги – даже у нее к Рите Александровне было особое отношение. Часто удавалось подъехать к Ясной Поляне лишь в темноте, совершенно разбитым после двенадцати часов рабочего дня, объединяющего литературу и медицину. Бывало, предметы расплывались перед глазами от усталости, но когда я попадал в лес, окружающий яснополянскую гостиницу, сознание прояснялось. Здесь начинался другой мир, в котором отчетливо действовали законы вечности. Ты вдруг начинал чувствовать одиночество перед Богом, позади оставались суета, машины, люди, повседневные мелкие заботы. Иногда я на минуту останавливался среди леса, открывал окна машины или выходил на дорогу, замечая, как разительно меняются тут слух и зрение: рушились вдруг шоры обыденного и ты отчетливо слышал, как вздыхает промоченная дождями земля, шепчутся деревья и кричат журавли в небе, летящие сквозь ночь. Оставив машину во влажной темноте, я шел к светящимся дверям гостиницы, окончательно страшивал с ног пыль городской суеты, говорил дежурным, – «здравствуйте, я к Рите Александровне», – поднимался в лифте на третий этаж, шагал по длинному коридору со скрипучим паркетом, укрытым ковровой дорожкой, стучал в номер 311.

– Да, да, – отзывалась Рита Александровна.

Я обнимал ее на секунду, разувался, мы отправлялись на кухню пить зеленый или «белый» чай с конфетами. Рита Александровна позволяла себе только одну за вечер, и одну плюшку. Если сыновья уезжали на рыбалку или за границу, у Риты Александровны было плохое настроение, она не могла с ним справиться, привязанность к детям у нее была поразительная. При моем появлении она все же немного взбадривалась.

– Вот видите, – говорила она, – вы пришли, и у меня уже настроение улучшилось!

– Очень хорошо, – отвечал я, – так и должно быть, я же доктор.

Говорили мы о самых разных вещах – о любви, жизни после смерти, о Господе.

– Есть племя догонов, – начинал я новую тему, – они живут в Африке, в тропическом лесу...

– Многие говорят о том, что мы не первая цивилизация на земле, – по-нимала меня без слов Рита Александровна.

– Спорить с этим невозможно! – продолжал я, читавшись эзотерических книг. – Египетские пирамиды мы не смогли бы построить с такой точностью и сейчас! Или храм в Баальбеке, который покоится на чудовищных, в тысячу тонн, громадных каменных плитах! Как их доставили туда?..

Но Рите Александровне было интереснее другое.

– Как вы думаете? Почему один человек для тебя дорог, а рядом с другим тебе холодно, хотя он очень старается тебе понравиться? – спрашивала она.

– Никто не знает, – пожимал я плечами. – Много научных объяснений, но это все глупости. Невозможно объяснить стихи, любовь, Бога.

– Я так привязалась к нашим яснополянским девчонкам и мальчишкам... Всю жизнь прожила рядом с молодежью, привыкла, наверное. Замечаю, мне не о чем говорить со старушками, такими как я.

– Вы не старушка, – протестовал я. – У старушек все закончилось, остались одни воспоминания. А вокруг вас кипит жизнь. Душа у всех стареет по-разному. Ваша – не постарела. Старушки не смотрят бокс по ночам, не интересуются политикой, не модничают, не плачут на концертах Погудина или Дятлова, много чего не делают из того, что вам нравится.

– Сегодня был Влад и у меня вдруг вырвалось: «Радость моя!» Так ведь нельзя, да? Нельзя его приближать слишком сильно?

Я только смеялся в ответ. Рита Александровна не могла по-другому, у нее всегда были очень сильные эмоции, привязанности, этим она и привлекала. Она, как маленький реактор, облучала всех, кто нравился ей, теплом, заботой, любовью – и люди начинали светиться в ответ, делаясь человечнее, лучше, добрее.

– Любовью нельзя испортить таких, как Влад, – говорил я. – Он умный и не заласканный, ему любви как раз всегда не хватало. Он не обидится и все поймет. Опасно приближать к себе злого человека, но Влад не такой.

– К Владу у меня материнские чувства, – прерывала меня Рита Александровна, – он как большой ребенок. А вообще от любви бывает очень больно. С вами такое случилось? У меня было время, когда хотелось умереть, я жила только ради детей.

– У всех, наверное, так бывает, – кивнул я, подумав. – Когда расстаешься с любимым, когда он умирает, предает или просто перестает быть тем, кем был раньше. И ты оказываешься рядом с чужим человеком.

– Да, – соглашалась Рита Александровна, – но все равно, даже самая несчастная любовь лучше, чем совсем без нее. Правда?

– Конечно! – восклицал я. – В бесчувствии – как в могиле! Но вам это не грозит.

Однажды Рита Александровна по секрету рассказала мне об одном своем чувстве. Осмеливаюсь упомянуть об этом лишь потому, что никого из тех, кому сейчас могло бы стать больно, в живых не осталось, а изыщество душ заслуживает внимания и памяти. Ей было пятьдесят пять! Он был ровесником, геолог и психолог, профессор какого-то московского университета. А тогда случайно оказались вместе в Германии, кажется, в Лейпциге, гуляли вместе, ужинали в ресторанчиках, болтали о самых невероятных вещах... и ничего больше не было. Рита Александровна держала его на расстоянии, потому что боялась повредить своей и его семье – жена профессора писала в Лейпциг длинные письма. А затем его командировка закончилась, он уехал в Москву, вскоре вернулась в Россию и Рита Александровна. Она позвонила справиться о здоровье, профессор не ответил. Рита Александровна немного обиделась, больше не звонила и только позже узнала, что ее друг в это время тяжело болел, находился в больнице, перенес операцию. Рита Александровна, по незнанию, даже не навестила его в больнице! Вскоре он умер, и его могила на Даниловском кладбище оказалась рядом с могилой ее матери. Когда Рита Александровна впервые оказалась там после его смерти, она вдруг неожиданно для себя опусти-

лась на колени. Илья Владимирович был рядом... и лишь тихонько отошел в сторону.

– Мы увидимся там, после смерти? – задумчиво спрашивала меня Рита Александровна.

– Наверное, – говорил я в растерянности.

– Мы ведь снова увидимся там с Илей, – раздумывала Рита Александровна. – Как странно. Все будет открыто. Как жены могут изменять мужьям, ведь там все откроется!?

Жизнь в Ясной Поляне тем временем шла своим чередом. Владимир Ильич к 2007-му стал едва ли не главным «культурным представителем» России за рубежом, часто по работе улетал за границу. Илья Ильич занимался гостиницей и «городом Солнца», когда же хотел развлекаться – отправлялся на рыбалку в среднем течении Дона или катался на горных лыжах в Европе. В такое время мне хотелось почаще навещать Риту Александровну, чтобы она не скучала по вечерам. Днем она была занята – принимала гостей, занималась с филологинями. При музее в 2007-м открылась школа русского языка для иностранцев, теперь уже многим известная за границей. Рита Александровна вместе с Владимиром Ильичом ездила в Тульский педагогический университет приглашать пятикурсниц для собеседования. На «кастинг» явилось пятьдесят человек, отобрали девятерых самых лучших, из них пятеро – с красными дипломами. Рита Александровна объясняла им специфику преподавания русского, как иностранного. Уроки, неизбежным для Риты Александровны образом, превратились в совместные обеды, прогулки, путешествия, она привязалась к недавним студенткам, отдав им часть своего сердца, девчонки полюбили ее. Когда яснополянские филологини начали выходить замуж за этих самых иностранцев, как Таня Посохова, или уезжать за границу на работу, как Маша Медведева и Юля Блынская, Рита Александровна переживала расставание с каждой, как с родной. Эти девочки – еще одни семена любви, рассеянные Ритой Александровной по всему свету.

В 2007-м в яснополянской гостинице часто жила Тимур Касымович Зулфикаров, Ирина Ванн, Сельма Ансьера, Лена Фролова – удивительно теплые, близкие, искренние люди, которых я вспоминаю с большой любовью. Однажды к нашей компании, собравшейся за столом у Риты Александровны, прибыл американский писатель Джон – красивый, статный в свои шестьдесят лет, подчеркнуто хорошо одетый, с короткой стрижкой седых волос, белыми усами мушкетера. Он имел немецких, американских, русских предков и хорошо говорил на нескольких языках. Мне запомнился тот вечер, потому что не часто американцы бывают настолько искренними. Но Джонни всегда был смелым, на родине выступал за свободную торговлю оружием и гласность в американской политике. В разговоре с нами он иногда переходил с русского на английский.

– Джонни считают американским антисемитом, – улыбаясь, сказал нам Тимур, который бывал в США с выступлениями. Мы заговорили об антисемитизме, русофобии, антиамериканизме как историческом и культурном феномене. Джон поморщился:

– У нас в Америке это тема, о которой можно говорить только с очень близким человеком. А у вас тут в России об этом рассуждает любой человек с первым попавшимся в поезде. Да, простые русские люди иногда неслестно говорят о евреях, но я считаю – это не антисемитизм, обычная откровенность. Все соседи иногда ссорятся. Меня тоже считают антисемитом из-за моей откровенности. Однажды в своем тексте я размышлял на тему Холокоста – на мне тут же поставили печать антисемита.

– Русские и евреи даже не соседи, а давно уже родственники, особенно в крупных российских городах, – заметил я. – Когда мы были в Иерусалиме и Вифлееме, я ловил себя на мысли, что энергетически, по-человечески, евреи мне ближе, роднее, чем палестинцы. Хотя среди палестинцев много православных. Впрочем, среди евреев тоже есть православные. Вот интересно, православный еврей перестает считать себя евреем? Еврейство – это что? Кровь, вера, традиции, память истории, состояние души, энергия сопротивления, убеждение в своей избранности?

– В тебе, наверное, есть еврейская кровь? – спросила, улыбаясь, Ирина Ванн.

– Вроде бы нет, но мои корни уходят к шумерам, а шумеры долго жили рядом с семитами, – пошутил я.

– Ты сильно не маскируйся! Касымыча его друзья тоже подозревают в еврействе, – засмеялась Ирина.

– «Ты, наверное, бухарский еврей?» – под хохот слушателей изобразил Тимур поморский говор Личутина. – Я им отвечаю в таких случаях: «Идиоты! Стал бы я сидеть тут с вами, засранцами, будь я бухарским евреем! Я б тогда уже давно получил Нобелевскую премию!» А если серьезно, антисемитизм в России – это глупо, – добавил Тимур. – Нужно поднимать самосознание русских, а не бороться с евреями.

– Вы удивительный человек, Джон, – сказала Рита Александровна. – Не типичный американец. У нас многие не любят американцев из-за того, что вы навязываете миру силой свою демократию. Зачем вы полезли в Ирак?

– В Ираке сейчас воюют американские парни из нашей провинции, – спокойно отвечал Джон. – Из семей, которые против абортот и порнографии, христианские фундаменталисты. И воюют с такими же мусульманскими фундаменталистами. На самом деле их главные враги – люди, которые посылают их на эту бойню. На самом деле средний американец вполне приличный человек, – продолжал Джон. – Просто наше правительство куплено теми же людьми, что и правительство России.

– Масонами? – спросила Рита Александровна.

– Я мало знаю о масонах, – вздохнул Джон. – Масонство было нужно, когда в обществе главной силой были царь и религия. А теперь этим людям незачем прятаться, они управляют миром через другие структуры.

– Хотите, я вам расскажу, через какие структуры? – спросил я, улыбаясь. – Это моя любимая тема!

– Рита Александровна, мы уже доедаем кекс! – кричала Сельма. – Хватит слушать эти мужские глупости!

Когда Тимур, Ирина, Джон и Сельма разъезжались, я начинал больше работать за письменным столом, размышляя о проклятом для России XX веке, бесконечных волнах русской эмиграции. Расспрашивал иногда Риту Александровну о предках «сербских Толстых», вообще о Толстых за границей, меня давно и глубоко волновала тема русской смуты начала XX века. Мучил экзистенциальный, непостижимый ужас изгнания, снилось ночью, как белых офицеров рубили саблями у вырытых ими же могил возле Пятигорска, в Крыму...

Россия поставила на себе страшный опыт, чудовищный эксперимент. Меня поражали масштаб и жестокость революции. Троцкий виделся эдаким доктором Моро, Ленин – профессором Преображенским, который вживлял России чужой гипофиз. Причем оперировали большевики Россию почти без наркоза, она орала и корчилась от боли, во всем этом было что-то запредельное. Я тогда много читал о революции, Гражданской войне, приходя к выводу – история XX века в советское время была сильно сфальсифицирована. Второй раз ее переписали после Великой либеральной революции 1991 года, с помощью которой разрушили СССР. И только в XXI веке русские впервые начали смотреть на прошлое без идеологических шор. Я никогда не ставил себя на сторону красных или белых, либералов или патриотов, только пытался разобраться: как могло случиться, что верующий, добрый, православный народ позволил устроить в своей стране такую кровавую баню? Как сделать так, чтобы это не повторилось?

Я не склонен переоценивать революционное значение инородцев, это унижало бы коренные народы России, но меня все же интересовала роль чужих элит в случившейся русской катастрофе. Создавалось впечатление, что врагами для глобальных мировых центров силы были обе русские стороны – красные и белые. Многим нашим «партнерам», как сейчас говорят, было выгодно, чтобы русские как можно дольше и полнее уничтожали друг друга. Вы где-нибудь читали об этом у либеральных теоретиков или в советских учебниках истории? Но Ленин, думалось мне, разрушив Российскую империю, затем вопреки планам своих зарубежных кураторов начал создавать империю Советскую, а Сталин уже окончательно порвал с мировой закули-

сой, выслав Троцкого, уничтожив ленинскую гвардию. Неспроста именно в 1929-м, когда стало понятно, что управлять Россией у них не получится, крупнейшие политики, банкиры, нефтепромышленники, оружейные магнаты планеты начали готовить Вторую мировую войну...

Русская эмиграция начала XX века для меня – большая тема. Некоторые говорят – это давно ушло, зачем ворошить прошлое? Но с той эмиграцией связан такой большой пласт русской культуры, что забывать это нельзя. В России настолько массового исхода еще не случалось. Сравнить ту российскую трагедию можно лишь с катастрофой древнего Израиля или чудовищной историей Ирландии середины 19 века. В результате голода, эмиграции, насилия Ирландия тогда лишилась трети своего населения. Россию в революционные годы покинуло более двух миллионов человек, среди них сотни писателей, философов, музыкантов, художников, ученых. Многие так и не смогли приспособиться к жизни вне России, некоторые же продолжали творить – Бердяев, Набоков, Бунин, Шестов, Мережковский, Гиппиус, Цветаева, Ходасевич... В России Гумилеву, Есенину, Пильняку, Мандельштаму, Ахматовой, Булгакову, Платонову и вернувшейся Цветаевой пришлось тяжело.

Помогали русским за границей разные страны в неодинаковой степени. Я тщательно, с родственным пристрастием отмечал для себя – кто помогал, как и сколько? Принимали русских Турция, Китай, Япония, Греция, Финляндия, Франция, США... В январе-марте 1920-го основу эмигрантов составляли части армии Деникина, в ноябре 1920-го – крымские остатки армии Врангеля. До этого много военных и гражданских лиц уплыло в Европу на кораблях из Одессы и Новороссийска, ведь «Боингов» и «Аэрбасов» тогда не было. Более всего, 500 000 человек выехало из России через Турцию. Лагерь для русских беженцев турки организовали в Галлиполи, на Лемносе – эмигранты жили там впроголодь, условия были очень жесткими, но требовалось оформить международные документы в Константинополе, Шанхае, Харбине, чтобы затем отправиться дальше. Из Китая и Турции ручейки, состоящие из самых образованных людей России, утекали в США, Канаду, Европу, Южную Америку, на Мадагаскар, в ЮАР, Австралию, Марокко...

Центром русской эмиграции в Европе поначалу стал Берлин. Жизнь для наших беженцев была там очень дешевой и потому, с 1920 по 1924 год, численность русской общины Берлина достигала 300 000 человек. В Берлине открылось несколько русских школ, гимназий, научных институтов, русскоязычные издательства и газеты. Но к 1923-му году экономика Германии окончательно рухнула, безработица составила 30%, курс марки менялся каждый час, в оборот были введены миллиардные банкноты. В декабре 1922 года килограмм хлеба в Берлине стоил 130 марок, годом позже – свыше 300 000 миллиардов! Заработную плату выдавали каждый день, чтобы человек мог успеть хоть что-то на зарплату купить. Русские люди стали уезжать из Берлина (хотя Набоков, например, прожил там до 1937 года, а Иван Ильин еще дольше), тем более, что в 1926 году в Германии приняли закон, затрудняющий иностранцам устройство на работу.

После 1924 года на роль центра эмиграции некоторое время претендовала Прага. Финансы чехов и словаков обеспечивались на первых порах царским золотом, привезенным из России чехословацким военным корпусом, забравшим часть золотого запаса у Колчака. Чешское правительство и зарубежные благотворительные организации финансировали сразу несколько пражских культурных и образовательных проектов русской эмиграции – здесь появилось около десятка русских высших учебных заведений, в которых преподавали П. Струве, С. Булгаков, А. Кизеветтер, Н. Лосский... Ведь тогдашняя наша эмиграция менее всего думала о красивой жизни, она видела свой долг и высокую миссию в том, чтобы сохранить русскую интеллектуальную, образовательную и духовную традицию! Именно тогда многие русские аристократы впервые пришли в православную церковь, в России было им не до этого...

Но все же настоящей столицей русской эмиграции двух десятилетий между мировыми войнами стал Париж, туда в это время перебрались многие русские интеллектуалы со всего мира. Здесь открылись девять высших учебных заведений – в 1920-м Русский политехнический институт; в 1921-м

русские отделения Сорбонны, на которых преподавало около сорока русских профессоров; Народный университет, Франко-русский институт, Православный Богословский институт, Высший технический институт (работавший до 1962 года), Русская консерватория имени С. Рахманинова...

«Русский стиль» был тогда моден в Париже. Зданевич служил художником по тканям в Доме Коко Шанель, антикварный магазин князя Куракина расписывал И. Билибин, князь Феликс Юсупов с женой Ириной организовали Дом моды «Ирфе» с русским персоналом. Юсупов же стал инициатором создания Школы прикладных искусств им. Строганова, модный дом «Китмир» открыла великая княжна Мария Павловна Романова, всем в Европе тогда был известен русский балет Сергея Дягилева.

В Монпарнасе живет сейчас много арабов и африканцев, а в те времена существовал русский Монпарнас, связанный с деятельностью Г. Адамовича. Ремизов насчитывал в Париже начала 30-х около трехсот русских писателей. Это был «золотой век» русской эмиграции, который закончился с началом Второй мировой войны, разделившей и поссорившей европейских русских. Одни стали сотрудничать с немцами, другие соблюдали нейтралитет, а третьи с фашистами боролись. Те, кто боролся, оставили о себе вечную память, некоторых Русская православная церковь даже канонизировала как святых. Те же, кто сотрудничал с фашистами, преданы забвению и позору. «А если бы победила Германия? – спросят некоторые. – Кого бы помнили как героев?» История не имеет сослагательного наклонения, да и нельзя России победить на поле боя. В войне с Россией у любой страны могут быть лишь временные, тактические успехи. В этом убедились десятки стратегов и военачальников: Тимур, Тохтамыш, Батый, Карл Двенадцатый, Баторий, Наполеон, Гитлер, теперь вот Бжезинский, Сорос, Клинтон и Обама...

Но все же выбор для эмигранта был тогда, конечно, сложнейший: о планах фашистов по уничтожению славян ничего не было известно, гитлеровская армия казалась всепобеждающей военной машиной, а родина, по мнению некоторых изгнанников, жестокостью к своей аристократии «заслужила разгром и поражение». Выиграли те, кто выбирал свою позицию не умом, а верой, совестью и любовью. Чтобы поддерживать родину, которая тебя отвергла, сделала нищим, некоторых пыталась уничтожить физически, нужно иметь, конечно, особые душевные качества.

Судя по всему, именно такими качествами наделены были «Ильичи» – потомки Ильи Львовича Толстого и Софьи Николаевны Философовой. У них было семеро детей – Анна, Андрей, Илья, Владимир, Михаил, Вера, Кирилл. После свадьбы Ильи Львович с семьей поселился вначале в Гриневке, полученной в результате раздела имущества меж детьми Толстого. Затем Илья Львович Гриневку продал, жил в Пензе, Саратове, Симбирске, Москве, Петербурге, стараясь найти доходную работу. Из этого ничего не вышло, на средства Софьи Николаевны у калужского купца Крылова за двадцать тысяч рублей в 1901 году было приобретено старинное имение в Мансурове. Здесь сохранился громадный трехэтажный дом екатерининской эпохи, Илья Львович на время воссоединился с семьей, выписывал из-за границы в Мансурово новые сельскохозяйственные машины, разводил скот, устраивал пейзажный парк, но надолго его не хватило. Илья Львович опять уехал от семьи, сменил несколько профессий, более других ему подходила журналистика. В 1915 году он основал свою газету «Новая Россия», но издательские дела не задались. Тогда он отправился военным корреспондентом на Балканский фронт, разочаровался и там, в ноябре 1916 развелся с женой, уехал в США, давно мечтая о путешествии за океан. В Америке он выступал с лекциями о Толстом, встречался с Теодором Рузвельтом, даже привез письмо Рузвельта русскому правительству, затем вновь уехал в США, сбежав от ужасов русской революции. Оставшуюся часть жизни писал воспоминания об отце и матери, тосковал по родине, снимался в американских фильмах в роли графа Толстого...

А все дети Ильи Львовича угодили в кровавые жернова Гражданской войны. Имение Мансурово в 1919-м было национализировано, там впоследствии советская власть устраивала детский дом, школу-интернат для детей испанских коммунистов, дом отдыха, спецшколу для детей-инвалидов... Владимир, Андрей и Михаил успели повоевать на фронтах Первой мировой. Владимир к началу 1917 был награжден двумя Георгиевскими крестами,

а Михаил, юнкер Тифлисского военного училища, в конце войны попал в плен, дважды пытался бежать, домой вернулся в 1917-м. Когда в ноябре 1917-го началось изъятие помещичьих строений, имущества, Михаил, Андрей и Владимир уехали в Петроград, через Сибирь и Владивосток пытались пробраться к отцу в США, но железная дорога была заблокирована. Им пришлось вернуться в Москву, некоторое время они жили в квартире отца в Настасьинском переулке, затем решили выбираться на юг к Добровольческой армии. Перед отъездом навестили бабушку Софью Андреевну в Ясной Поляне, закопав тут в парке под деревом, в стеклянной бутылке, залитой сургучом, купчую на Мансурово, бумаги на калужский дом семьи, документы Андрея о его награждениях в Лейб-гвардии Драгунского полка... Михаил умер от тифа в марте 1919-го в Новочеркасске, тяжело болел тифом и Владимир, но его выходил Андрей, который вскоре погиб, защищая Перекоп.

Участие в Белом движении для молодых российских аристократов было почти неизбежным, классовое размежевание тогдашней России оказалось предельным, за одну только принадлежность к другому классу могли уничтожить. После захвата Крыма зимой 1918-го революционные матросы, получив нечаянную возможность свести счеты с царскими офицерами, буквально ввали в садистическое неистовство. В первые же два-три дня по занятию Ялты матросами было умерщвлено более ста офицеров царской армии, вовсе не принимавших участия в Гражданской войне, они просто лечились в Крыму после ранений, полученных на Первой мировой. Офицеров расстреливали в госпиталях, с привязанными к ногам тяжестями бросали с ялтинского мола в море. В Евпатории развернулась еще более страшная вакханалия. В январе 1918-го на кораблях «Румыния» и «Трувор» арестованных белых офицеров расставляли связанными вдоль бортов и ударами ног отправляли за борт. «Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись» («Сведения о злодеяниях большевиков в Евпатории»). Затем революционным матросам показалось этого мало, арестованным офицерам перед утоплением стали отрезать нос, уши, половой член, иногда руки, головы. Казни продолжались на кораблях каждую ночь 15, 16 и 17 января 1918 года. Во время этих революционных сатурналий в трюмы кораблей, где содержались пленные, и на берег с залитых кровью палуб доносились неистовые крики мучимых. Чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» заводил мотор и как бы уходил от берегов Евпатории в море. «Особо кровавые дни пережил Симферополь. Здесь было расстреляно огромное количество офицеров... во главе со зверски замученным полковником Макухой» (генерал Врангель «Записки»). В Севастополе резня начиналась несколько раз – первая бойня 16 и 17 декабря 1917 (погибло 128 морских офицеров), вторая в ночь с 23 на 24 февраля 1918. «Убивали по плану, и уже не только морских, но вообще всех офицеров, всего около 800 человек... Убитые лежали грудami. Их свозили на Графскую пристань, где грузили на баржи и вывозили в море» (С.В. Волков «Трагедия русского офицерства»).

Выбор у дворян и офицеров был скудный – уехать из России, вступить в Белую армию или начать сотрудничать с теми, кто резал и топил их братьев на «Труворе» и в тысячах других мест. Взаимное озлобление было чудовищным, Белая армия совершала порой такие же злодеяния. Россия будто сошла с ума, содрогаясь в кровавых конвульсиях попыток родить новый строй – по сути, новый планетарный миропорядок. Лев Толстой, кстати, лучше других аристократов заранее почувствовал приближающуюся необходимость отказаться от эксплуатации ближнего и от излишней собственности. Если б в России выполнили хоть немного из того, что завещал Толстой, почва революции была бы развеяна. Дворяне, офицеры царской армии, сама императорская семья предпочли двигаться по инерции, вынужденно делая лишь небольшие уступки народу, вместо радикальных мер переустройства жизни. Противоречия в обществе накапливались, монархия оказалась неспособной к модернизации российской социальной системы, это привело к взрыву, который едва не уничтожил страну.

Когда уже ничего нельзя было исправить, многие Толстые предпочли уехать из России, оставшиеся сильно рисковали – Сергей Львович Толстой, Анна Ильинична Толстая, Александра Львовна Толстая, Александру Львовну, например, три раза арестовывал Особый отдел ВЧК (на ее квартире со-

бывалось люди, оппозиционные большевикам), ее помешали на Лубянку, в Новоспасский лагерь, организованный большевиками в древнем монастыре. Александра Львовна была приговорена к трем годам лагеря, сидела в нем с бывшими проститутками, которых заставляли разрывать исторические могилы, снимать с мертвых кольца и перстни с присохшими к ним остатками кожи. Александра Львовна оказалась на свободе благодаря письму, посланному Ленину, заступничеству яснополянских, телятинских, грумантских крестьянских обществ и по результатам ходатайства Чертковка к Дзержинскому и Луначарскому – ее выпустили на свободу по амнистии. Еще находясь в лагере, она подневольно работала в «Автоотделе Наркомпрода» вместе с баронессой Дельвиц, крупными фабрикантами. После освобождения стала организовывать Яснополянский музей, но в сентябре 1929-го предпочла все же уехать из страны: «Больше всего на свете хочу свободы. Путь нищенство, котомка, но только – свобода».

Илья Ильич, старший сын Ильи Львовича, перед революцией служил офицером на российском флоте. Участь в Морском училище Петербурга, слыла там большим оригиналом, в подражание футуристам иногда ходил в разных носках и ярких кофтах. После революцион первым осел в Сербии, затем к нему присоединились Владимир Ильич и Вера Ильинична. Владимир Ильич Толстой-внук, перебравшись поближе к Илье Ильичу, выучился в Белграде на инженера-агронома, поселился в Нови Саде, работал агрономом и зоотехником в Новобечейском районе Сербии, женившись на Ольге Михайловне Гардениной (те самые Гарденины из романа Эртеля). У Владимира Ильича и Ольги Михайловны родилось двое сыновей – Илья и Олег. Вера Ильинична через Новороссийск бежала из революционной России в Грецию, затем переезжала в Сербию, Чехословакию, Австрию, Францию (под псевдонимом Мансурова пела здесь в ресторане), в 1949 оказалась в США, прожила там 20 лет, работая диктором на радиостанции «Голос Америки». В сербском Нови Саде у нее родился сын Сергей, который учился в Париже, а затем уехал в США к матери.

Королевство сербов, хорватов и словенцев – так называлась в то время будущая Югославия, – образовалось после Первой мировой войны в результате распада Австро-венгерской империи, войны с Болгарией. Королевство приняло много наших соотечественников, сербы видели в русских братьев-славян, хорошо помнили, как Россия пришла на помощь Сербии в 1914 году, заплатив за это страшную цену. Сербский король Александр Первый Карагеоргиевич воспитывался в Петербурге при царском дворе и потому имел прорусские, антибольшевистские взгляды. Скорее всего, для Ильи Ильича и Владимира Ильича, когда они выбирали страну для проживания, важны были общая религия, близость языков, схожая психология сербов и русских – здесь можно было жить, не сильно ломая и насилая свою душу.

В 20-е годы в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло 70 000 беженцев из России, 40 000 из которых остались на постоянное жительство. Здесь, кстати, некоторое время жила русская поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева, хорошо знавшая Ахматову и Гумилева. Она затем переехала в Париж, приняла монашество с именем Мария. В годы Второй мировой войны она и ее православная община дали приют многим сотням преследуемым фашистами людей, в 1943-м она была арестована, в марте 1945 сожжена в газовой печи концлагеря Равенсбрюк...

Сербское правительство в те годы учредило «Державную комиссию» по печению о русских беженцах. Комиссии выделялось 6 миллионов динаров каждый месяц из госбюджета. На эти деньги в Белграде содержались две гимназии, реальное и кавалерийское училища, три кадетских корпуса, два женских института, технические курсы. Русским учебным заведениям были предоставлены одинаковые права с сербскими. Выходцам из России в Королевстве разрешили заниматься врачебной практикой, адвокатурой, профессурой – конечно, после принятия гражданства, которое давали через пять лет проживания в Сербии. Многие военные из русских устроились на службу в сербскую пограничную службу, в частности, охраняли сербско-албанскую границу, на которой уже тогда было неспокойно.

Но спокойная жизнь в Сербии быстро закончилась, приближалась Вторая мировая война. В 1934-м хорватские усташы убили короля Александра

Каргеоргиевича, регентом Королевства был провозглашен принц Павел Карагеоргиевич, который не смог удержать в руках страну. В марте 1941-го он подписал декрет о присоединении Югославии к прогерманскому Тройственному союзу, это вызвало волну негодования сербов. Через два дня Павел Карагеоргиевич был смещен с поста в результате военного переворота и вместе с семьей покинул Югославию. Это вызвало радостные сербские демонстрации в Белграде с лозунгами: «Лучше война, чем пакт!», «Лучше смерть, чем рабство!». 4 апреля 1941 года в Москве был подписан договор «О дружбе и ненападении» между СССР и Югославией, советские войска, по сути, приглашались в Белград. В тот же день немецкая армия вторглась в Югославию с территории Румынии и Болгарии.

За один только этот первый день войны на Югославию было сброшено 360 тонн бомб, несколько тысяч жителей Белграда погибло. 12 апреля 1941 в Югославию вошла венгерская армия союзника Гитлера Миклоша Хорти. Накануне этого хорватский лидер Анте Павелич провозгласил независимость Хорватии, отозвав хорватские части из югославской армии. В результате 13 апреля Белград пал, 18 апреля капитулировала и вся югославская армия. Разгром Югославии привел в ее разделу, на карте Европы появилась новая страна Хорватия, которая включила в себя Боснию и Герцеговину и часть Воеводины. Хорватия тут же присягнула Гитлеру, начав террор против сербов, евреев и цыган. В ответ поднялось сербское Сопротивление, в котором выделялись две главные силы: движение четников («чета» в переводе с сербского означает отряд), которое возглавил Драголюб Михайлович, и движение сербских партизан под руководством коммуниста Йосипа Броза (партийная кличка – «Тито»). Хорватские усташы, сербские четники, югославские партизаны во взаимном озлоблении совершили много жестокостей, сравнимых с насилием российской Гражданской войны. Четники получали военную помощь от англичан и американцев, признавали сербское монархическое правительство в Лондоне. Понятное дело – это не нравилось Сталину. Вначале четники возглавили сербское Сопротивление, но затем все более важную роль стали играть югославские коммунисты, поддержанные СССР. Четники и коммунисты меж собой не ладили, с начала 1942 принялись стрелять друг в друга. Вначале четники действовали преимущественно в Сербии, а партизаны в Хорватии, Боснии, Герцеговине, но затем партизанское движение перекинулось на территорию всей страны.

Белоэмигранты попали в сложное положение. Они были изгнаны из России носителями коммунистической идеи, а тут и в Югославии эта идея захватывала власть. Гитлера некоторые воспринимали спасителем Европы от коммунизма, поэтому большая часть югославских белоэмигрантов решила сотрудничать с немцами – в Белграде они создали помогавший фашистам Русский Корпус. Отношение к белоэмигрантам в Югославии сразу испортилось, их стали избивать и преследовать. Вырезали целые семьи русских эмигрантов, не говоря уж о том, что всех лишили работы.

Однако не все русские в Сербии стали сотрудничать с немцами. Было среди них много сочувствующих СССР. Ильичи, например, помогали сербскому Сопротивлению. Их называли «младороссами», позицию свою они обосновывали тем, что «большевиков прежних уже нет, есть просто русские люди, воевать против которых – предательство». Илья Ильич Толстой-внук при фашистах оставался на свободе, но его брата Владимира Ильича за помощь партизанам поместили в концентрационный лагерь в городке Бечкерен, он был освобожден лишь наступающими советскими войсками. Сын же Илья Ильича – Никита Ильич Толстой-правнук, родившийся в 1923 уже в сербском городке Вршац (получил образование в сербско-русской гимназии в Белграде, одним из его учителей там был протоиерей Флоровский, знаменитый церковный историк и богослов), сочувствуя югославским партизанам и СССР, в 1944 вступил в ряды Красной армии, впоследствии его наградили боевыми медалями за взятие Вены и Будапешта.

Когда к власти в Югославии в 1945 пришел Тито, русским стало там совсем неуютно. Тито ссорился со Сталиным, всех наших эмигрантов считал чуть ли не советскими шпионами. Нужно было уезжать, большинство русских переселились в США или страны Европы, но Ильичи – надо отдать им должное – выбрали Россию. Никита Ильич передал в Москву со своим знакомым раненым генералом письмо советскому правительству, вскоре при-

шел ответ с разрешенияем вернуться в СССР, где благодаря службе внешней разведки о подвигах Ильичей хорошо знали.

Илье Ильичу, Владимиру Ильичу, Никите Ильичу предоставили целый вагон для домочадцев и личных вещей, вагон прикрепили к поезду, в котором возвращались из Европы домой советские солдаты и офицеры. Поезда в то время шли очень медленно, домой возвращалась военная техника и личный состав армии-победительницы, на вокзалах стояла праздничная кулерья. Внуки, правнуки Льва Толстого впервые увидели тогда новую Россию – страну Победы и послевоенной оттепели. Авторитет СССР в мире был огромным, западные интеллектуалы воспринимали нашу страну романтически, СССР был в моде. Подростки в США, например, говорили на сленге, в котором было много русских слов. Еще двадцать два года оставалось до вторжения советских танков в Прагу (Будапешт-56 был, все же, ближе к банальному путчу, а в Праге-68 отчасти занимались поиском нового пути развития социализма), которое сильно подорвало авторитет СССР в среде западных интеллектуалов.

Когда вагон с Толстыми пришел к Москве, встречала родственников Анна Ильинична, «тетя Анночка», как ее называли в большой семье Ильичей. Анна Ильинична, старшая внучка Льва Толстого, после революции осталась в Москве, вышла замуж за импозантного физика, логика, толстоведа-любителя Павла Сергеевича Попова. Жили они в большой квартире на Арбате, вокруг добродушной и общительной Анны Ильиничны сформировался литературно-музыкальный салон. Полноватая, с хриплым голосом, Анна Ильинична любила цыганские песни, русские романсы, сама прекрасно их исполняла. Павел Сергеевич был первым биографом Михаила Афанасьевича Булгакова. Поповы и Булгаковы дружили семьями.

Со временем каждая семьявернувшихся из-за границы Ильичей получила отдельную квартиру в Москве. Это была особая честь, многим другим «возвращенцам» разрешили жить лишь в провинции – например, Николаю Геннадьевичу Лермонтову, с которым Ильичи дружили. Илья Ильич Толстой-внук поступил на работу в МГУ как специалист по славянской лексикографии, выпустил сербско-хорватский словарь, стал кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры МГУ. Владимир Ильич Толстой-внук работал агрономом и садоводом в колхозе «Октябрь» Химкинского района Московской области. Никита Ильич Толстой-правнук учился и работал на филологическом факультете МГУ, собирал полесский фольклор, стал секретарем Международного комитета славистов, преподавал в МГУ как профессор, доктор филологических наук...

Вначале семья Владимира Ильича Толстого-внука жила в Москве, но «деда», по выражению Риты Александровны, тянуло к земле. Он попросил участок для строительства у московских властей, заранее купил газовую плиту в будущий дом, над этой плитой домашние подшучивали. Но землю действительно выделили в подмосковном Троицком, Владимир Ильич Толстой-внук был тогда счастлив.

– Стройматериалов поначалу не хватало, дом строили, из чего попало, – рассказывала Рита Александровна, – архитектуры там тоже никакой не было, мы называли этот стиль «Шанхай констракшн». А плита «деда» пригодилась, став первой частью дома в Троицком. Я уже вышла замуж за Илью Владимировича, это было счастливое время для нашей большой семьи. Все живы, только что родились Илья и Володя, вокруг Троицкого в то время сохранилась чудная природа – лес, река, яблоневый сад, чудесный розарий, который посадил «дед». Илья, Володя, Петр и Наташа собирали грибы рядом с домом, ловили рыбу в реке, дружили с мальчишками-сверстниками...

Многие из этих мальчишек теперь известные люди, они приезжают иногда в Ясную Поляну. Дом «Шанхай констракшн» в Троицком сгорел, но след о нем еще долго будет всплывать в мемориях потомков Ильи Львовича. Розарий и яблоневые сады «деда» уничтожены разросшимися в Троицком особняками, нет уже прежнего леса, реки, людей старого Троицкого, но все это маячит за Ясной Поляной. Если б не Троицкое, не тот вагон с Ильичами, прицепленный к поезду Победы, не тетя Анночка с ее романсами на Арбате – многое в нынешней Ясной Поляне сложилось бы по-другому. Не случилось бы музея в сегодняшнем виде, знаменитых писательских чтений, детского

сада «Муравейное братство», Козловой Засеки, обновленных Крапивны, Никольского-Вяземского, Пирогова...

Что еще мне кажется важным – Ильичи, в отличие от многих зарубежных ветвей Толстых, любили красивых и талантливых русских женщин: Рита Александровна тому пример. Дети Ильичей наследовали кровь славянских румяных красавиц, во многом благодаря им Ильичи остались русскими. В причудливый пасьянс, разложенный Господом, соединила судьба Толстых, их близких, все это весьма многозначительно для будущих исследователей, для меня же, после смерти Риты Александровны, взгляд на большую семью Толстых стал более отстраненным. Я надеюсь, молодое поколение Толстых окажется достойным своих стариков. Если хотя бы некоторые из новых Толстых проживут жизнь как Александра Львовна, Владимир Ильич, Никита Ильич, Рита Александровна – будет нам счастье. Это сложно, планка поднята очень высоко, но имя обязывает. Настоящим Толстым в будущем окажется лишь тот, кто сможет, хотя бы отчасти, жить по высоким законам, установленным Львом Николаевичем: делать добро, служить людям, помнить о Господе...

А Риту Александровну я не смогу забыть никогда, научила она меня уж очень многому. Главный урок – добрый и деятельный человек может быть ослепительно прекрасен. Душа Риты Александровны приобщилась вечности, а маленькое тело растворится в яснополянской земле у Никольского храма в Кочаках. Можно по-прежнему приходить к ней и разговаривать, могилы близких непостижимым образом формируют понятие родины, той земли, в которой похоронены твои главные люди. Они буквально стали этой землей и потому она свята, отдать ее никому нельзя, уехать от нее нельзя, лишь только здесь ты можешь быть настоящим, подлинным.

Рита Александровна редко ходила в церковь, но я надеюсь, Господь помилует ее за добрую душу и любовь к людям. Бог наградил ее долгими годами в окружении близких, уберег от боли, значит, и там не оставит. Я буду приходить к Рите Александровне теперь с цветами – конфеты и кофе ей больше не нужны. Она любила желтые цветы, но и против белых ничего не имела. Мне нравится дарить ей белые розы.

2016 - 2017 гг.